

Е Цин, неспешно поправив волосы, спокойно произнёс:

— Зачем ты так нервничаешь? Я уже спросил у администратора: Линь Го работает по пятницам. Так что не торопись. В четверг вечером возьми отгул на подготовительных занятиях, и я сведу вас куда-нибудь развлечься.

— И это твой способ решить проблему? — усмехнулся Гу Чанъань.

— Эх, неисправимый, — покачал головой Е Цин. — Если ты сегодня к нему пристанешь, Линь Го наверняка подумает: «Вот мерзавец, следит за мной, бесстыдник, извращенец!» А если вы случайно столкнётесь в четверг, это уже будет просто совпадение. Если уж очень хочешь подойти, то просто прояви заботу, не надо демонстрировать свой ум.

Гу Чанъань ткнул пальцем в Е Цина:

— Это ты свой ум демонстрируешь. Ладно, пойду проявлю заботу.

С пакетом закусок он поднялся наверх. Линь Го только что вернулся и как раз переодевался в пижаму. Увидев Гу Чанъаня, он с энтузиазмом бросился встречать... принесённые им закуски.

Глядя, как Линь Го перебирает угощения, Гу Чанъань ласково потрепал его по голове и обидчиво сказал:

— Вот неблагодарный! Так долго не навещал меня, а теперь даже улыбнуться не хочешь.

Линь Го поднял голову, и на его лице расцвела улыбка, похожая на подсолнух:

— Ну как, теперь лучше? Я же видел тебя совсем недавно — в прошлую среду мы вместе ели шашлык. Может, тебе стоит пробежать пару кругов с Бай Нянцзы в Южном спортивном зале, чтобы прочистить голову?

— Эх, разлука даже на день кажется вечностью, — вздохнул Гу Чанъань. — Мне и часа не хватает, чтобы не скучать по тебе. — Он почесался. — Ох, как же мне нехорошо...

Линь Го фыркнул, поставил закуски на стол и прошёл мимо него в ванную.

— Ты всегда такой драматичный. Тебе сегодня не звонили из театрального училища?

Гу Чанъань последовал за ним, облокотившись на дверной косяк:

— Звонков не было, но мне позвонил декан приёмной комиссии. Сказал, что через пару дней будет проба, и я могу сразу прийти.

— О, декан приёмной комиссии ещё и этим занимается?

— Ну, в последнее время политика изменилась, многие уходят из госструктур в частный сектор. В приёмной комиссии теперь совмещают кучу обязанностей, только зарплату не повышают, — с гордостью поднял подбородок Гу Чанъань. — Ты просто мира не видел. В нашей актёрской среде так принято.

Линь Го, чистя зубы, посмотрел на него в зеркало с выражением «Ну ты и гений».

«Прямо как старые супруги», — подумал Гу Чанъань.

Если бы мы и вправду были старыми супругами, я бы точно был самым забавным старикашкой.

Ох, как же я хочу быть с Линь Го...

[Успокойся. Нельзя ради своих желаний портить ему жизнь. А вдруг он не такой, как ты думаешь?] — вмешался внутренний ангел.

[Подумай: если ты ошибся, максимум — будет неловко. Линь Го точно не станет избегать тебя до конца жизни. А если он действительно такой, как ты думаешь, то это будет полный счастливый финал. Ты столько времени о нём мечтал. К тому же жизнь у нас одна, ради кого ещё стараться?] — возразил внутренний демон.

Да, я не должен портить жизнь Линь Го.

Ангел с самодовольным видом посмотрел на демона.

Демон, разозлившись, выпалил:

[А откуда ты знаешь, что Линь Го тебя не любит?]

Я... Гу Чанъань растерянно уставился на демона.

Демон, увидев проблеск надежды, продолжил:

[Вот именно. По-моему, Линь Го тебя любит.]

Ангел фыркнул:

[Фу, хватит самолюбоваться. Чем ты так хорош, чтобы Линь Го мог тебя полюбить?]

Ангел вздохнул и добавил:

[Ладно, давай поменяемся ролями. Ты, по-моему, больше на демона похож.]

— Я пойду. Зайду как-нибудь ещё, — бросил Гу Чанъань и ушёл.

Линь Го, только что умывшись, ответил:

— Не заходи. У меня на лице цветов не выросло.

Троица собралась вместе, и Гу Чанъань с серьёзным видом посмотрел на Ху Юя и Е Цина:

— Говорите правду.

Ху Юй посмотрел на Е Цина, они обменялись взглядами.

— Кто же не знает, как глубоко ты чувствуешь, Гу Дашао.

Е Цин откинулся на спинку стула:

— Зачем ты ко мне обращаешься? Спроси у этой хитрой лисицы, зачем меня втягивать?

— В нашей комнате только вы двое с мозгами, вот я и пришёл к вам. Говорите.

— Слепой бы заметил, — сказал Е Цин.

— А... вы не думаете, что я извращенец? — неуверенно спросил Гу Чанъань.

— Какой извращенец? — усмехнулся Е Цин. — Ты же ничего плохого не делал. Ну, разве что пытался навязать себя другому парню.

— Хм... теперь я и вправду чувствую себя извращенцем, — признался Гу Чанъань.

— Нет! — Ху Юй вскочил, раскинув руки. — Любовь — это великое чувство! На Земле семь миллиардов людей, и ты понимаешь, как повезло двум влюблённым встретиться? Я не позволю вам недооценивать себя! Не ждите, пока седина покроет ваши головы, чтобы жалеть об упущенной любви. Давайте раскроем объятия и примем любовь!

Гу Чанъань: «Я вдруг очень не хочу иметь с этим идиотом ничего общего».

Е Цин потянул Ху Юя вниз:

— Может, хватит уже разыгрывать из себя артиста, Ху?

— Я просто выражаю свои чувства. Но, по словам надёжного источника, у тебя есть все шансы завоевать Линь Го, — сказал Ху Юй.

— Что? Какой источник? У тебя есть информаторы?

— Неважно. Вперёд, юноша! Смело иди к своей любви и мечтам!

Гу Чанъань: «Чёрт, теперь я действительно не хочу с ним разговаривать. Он уже не просто чудак, он невменяем».

Гу Чанъань наблюдал за Линь Го через три столика.

Хотя Гу Чанъань совсем не походил на послушного мальчика, который слушается маму и учится, не шалит, он, на удивление, был единственным в их компании, кто никогда не бывал в баре.

Чтобы Гу Чанъань не напился и не испортил свои шансы на любовь, Е Цин любезно заказал ему безалкогольный напиток и объяснил официанту, что у того аллергия на алкоголь.

Линь Го с закрытыми глазами напевал песню, которую Гу Чанъань никогда раньше не слышал.

Он не понимал слов — возможно, это был какой-то романтический язык, — но это не имело значения. Непонимание не мешало ему наслаждаться моментом.

Гу Чанъань никогда не видел Линь Го таким: увлечённым, радостным, расслабленным и одновременно сосредоточенным. Или... наслаждающимся? Да, именно так.

Линь Го не выглядел как певец, развлекающий гостей. Он был скорее духом, наслаждающимся своим выступлением. Он словно пришёл из далёкого леса, не зная, где находится эта сцена, не заботясь о том, сколько людей остановится, чтобы послушать его, и даже не обращая внимания, слушают ли его вообще. Его волновало только одно — наслаждается ли он этим моментом.

Линь Го очаровал Гу Чанъаня. Будь то слова, слетавшие с его губ и наполнявшие пространство романтикой, или мягкий свет, падавший на его волосы, или что-то ещё, что Гу Чанъань не мог объяснить, — Линь Го притягивал его.

Как в тот первый раз, когда он увидел Линь Го за пределами класса. Тот лишь взглянул на него, но Гу Чанъань, увидев дрожащие ресницы и влажные глаза, вдруг почувствовал, как в его сердце запрыгнул маленький кролик.

Или когда он встречался с Чэн Инь, и Линь Го намеренно отдалился, объясняя это тем, что даёт место для их любви. Когда Гу Чанъань сказал Линь Го, что расстался с Чэн Инь, тот равнодушно ответил: «Какое мне дело?» Но его глаза явно говорили: «Наконец-то!» Тогда маленький кролик снова выпрыгнул.

А сейчас Гу Чанъань чувствовал, что тот кролик, который заснул после инцидента в медпункте, не только проснулся, но и привёл с собой всю свою семью.

Тук-тук-тук.

Гу Чанъань приложил руку к груди, успокаивая взбудораженное кроличье семейство.

Что мне сделать, чтобы ты больше не отталкивал меня? Что я должен сделать, чтобы ты полюбил меня?

Линь Го на сцене нежно закончил последнюю ноту и, опустив голову, улыбнулся.

Словно бард, постучавший в его дверь зимней ночью. Его волосы и ресницы покрыты снегом, а глаза полны надежды. Он лишь вежливо спросил, может ли он переночевать. Его голос был так нежен, что казалось, одно его слово могло заставить розы расцвести вокруг. Как можно было отказать? Он впустил барда в свой дом. Он был готов весной отправиться с ним в неизвестные города, лишь бы быть рядом и слушать его песни.

<http://bllate.org/book/16270/1464204>